

ME TATPOH

SOS

Олег Юрьевич Соломенников

SOS

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444119
Когда Планета кричит SOS: Алгоритм; М.:; 2013
ISBN 978-5-4438-0395-1

Аннотация

Герой книги Метатрон путем телепатических контактов вступает в контакт с неземной цивилизацией Богов. Они утверждают, что человек был создан ими, и в доказательство дают подробные ответы на самые фундаментальные вопросы человечества: 1. Для чего живет человек? 2. Есть в человеке душа? 3. Почему и для чего такое разнообразие природы? 4. Почему мы не слышим инопланетян? 5. Почему Иисус скрывал свои возможности? 6. Есть ли жизнь после смерти? 7. Почему в нас заложены ресурсы настолько большие, что мы не можем их использовать?

И это – лишь часть вопросов, на которые отвечает автор книги устами ее главного героя Метатрона – человека, пытающегося создать организацию, которая сможет придать России статус мирового духовного лидера. Его попытки встречают активный интерес в обществе и пристальное внимание со стороны спецслужб России и Запада.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	24
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	43
Глава 11	45
Глава 12	47
Глава 13	49
Глава 14	59
Глава 15	61
Глава 16	64
Глава 17	67
Глава 18	70
Глава 19	77
Глава 20	82
Глава 21	85
Глава 22	87

Олег Юрьевич

Соломенников

Когда Планета кричит SOS

Время веры прошло. Пришло время понимания!

Нет религии выше истины.

Для тех, кому нужна истина, а не вера!

*Кто пойдет за мной, тот не будет больше
блуждать во тьме!*

Книга основана на эпизодах реальных событий.

Пролог

На столе начальника Восточного отдела АНБ Алекса Дугласа, лежала черная папка.

– Мэри, что это? – спросил он у секретарши.

– Простите, сэр, это принес Джон Фитцджеральд Лукас. Начальник отдела по наблюдениям за общественным мнением России просил вас срочно ознакомиться.

– Боже, что там случилось, снова зреет революция? – с усмешкой произнес Алекс.

– Не знаю, сэр, но выглядел он возбужденно.

– Ладно, не беспокойте меня полчаса.

Открыв папку, Алекс сразу же увидел фотографию чело-

века на коляске, там еще лежали несколько фотографий женщины и человека в рясе. Через 20 минут чтения Дуглас раздраженно хлопнул ладонью по столу.

– Мери, вызовите мне Фитцджеральда!

– Послушайте, Джон! – начал без реверансов Дуглас. – Более непонятного и запутанного доклада я еще не читал! Что это за мессия-инвалид? Я от тебя такого не ожидал, думаешь, у меня бюджет резиновый? Не забывай, сейчас 2011-й, а не холодная война 70-х, когда мы могли кидать деньги куда вздумается!

Безупречная фигура Лукаса явно выигрывала на фоне свисающего пуза начальника, но картину уравновешивала легкая небрежность в костюме, которую он специально наводил при походе к шефу. «Он сильно раздражен», – заметил про себя Фитцджеральд, но Джон был к этому готов, другой первой реакции и не должно быть, потому что у него самого, когда он все это прочел, была такая же. Режиссер (так коллеги дразнили Джона между собой) сразу перенял линию поведения, предложенную шефом. Он принял вольную позу, перевел взгляд на Мэри, стоявшую мирно в стороне.

– Можно мне кофе, а шефу шерри?

Алекс удивленно поднял глаза, но промолчал, он сразу понял, разговор будет серьезный.

– Ну ладно, выкладывай, что там у тебя?

Джон отпил глоток обжигающе горячего кофе и пристально посмотрел на шефа.

– Алекс, сколько лет ты меня знаешь?

– С колледжа, около 28, а что?

– Ты мне доверяешь?

– Джон, что с тобой? Я тебя не узнаю!

Фитцджеральд встал и нервно прошелся по комнате, всем видом показывая, что мучительно подбирает слова.

– Просто то, что я тебе скажу, потребует от тебя всего доверия, какое у тебя ко мне есть. Иначе последствия будут непредсказуемыми для нашей страны.

Алекс удивленно ухмыльнулся и достал фотографию, где был изображен инвалид на коляске.

– Ты про него говоришь?

– Да.

– Что он сделал? Готовит какую-нибудь гадость против нас?

– Нет, он очень лоялен к нашей стране.

– Та-а-ак, а в чем тогда, собственно, проблема?

– Этот парень обладает новой идеологией, живой идеологией. Все последнее время я анализировал, задействовал треть суперкомпьютеров отдела анализа политических течений. И пришел к выводу, что если Россия примет эту идеологию, то она приобретет колоссальное влияние во всем мире, невзирая на политические взгляды и религиозные воззрения, народные массы этой страны, но и даже нашей готовы разделить эту идеологию.

– Осторожно, Лукас, такие заявления могут стоить тебе

карьеры.

– Хмм... Карьеры, говоришь... – Лукас задумчиво потеребил подбородок, затем провел рукой по лицу, будто стряхивая маску. – Знаешь, я больше не боюсь этого! Я готов рискнуть не только карьерой. Только дай добро на полномасштабное сотрудничество с этой группой.

– Да что он придумал! – стукнул рукой по столу Дуглас. – Сколько их было, всяких экстрасенсов, предсказателей, самозванных мессий, чем этот лучше?!

– Кто-то из великих людей сказал: кто примирит религию и науку, тот будет править миром! Так вот, этот парень уже сделал это...

Глава 1

Самолет шел на посадку, нос начал заметно крениться к земле. Кирилл ерзал в кресле, время от времени бросая настороженные взгляды на стакан с вином. Он всегда так делал перед посадкой, по углу наклона напитка можно было судить, под каким углом самолет садится.

– Я заберу ваш стакан? – улыбнулась стюардесса, проходя мимо.

– Нет, я допью, – нервно отреагировал Кирилл.

– Хорошо, – продолжила все с той же искусственной улыбкой стюардесса, – тогда уберите, пожалуйста, столик, мы идем на посадку.

Кирилл не любил и боялся летать, он не понимал, как самолеты держатся в воздухе, посторонние звуки все время отвлекали его от важных мыслей. В жизни суровый, немного грубоватый, в самолетах он делался прямо-таки образцом благоразумия и воспитанности.

– Устали? – начал мужчина с красным лицом в соседнем кресле.

– Немного, – прервал его Кирилл.

– А я вот не боюсь летать, – сказал мужчина и заложил руки за голову, – самолеты это чудо, всего несколько часов, и ты уже в Бангкоке, среди этих крошек, далеко от работы, жены, московских проблем.

Самолет стал разворачиваться, для чего пилотам пришлось заложить резкий вираж, у Кирилла перехватило дыхание.

– Да, я понимаю, о чем вы, – выдавил он ради приличия и залпом опустошил стакан с вином. Впрочем, он тут же пожалел об этом, тепло разлилось по телу, но следить за углом наклона самолета больше было невозможно.

Кирилл глянул в иллюминатор, земля быстро приближалась. Он перевел взгляд на соседа по бизнес-классу, тот довольно щурился, явно погрузившись в свои воспоминания. Кирилл снова посмотрел в иллюминатор, подумал, что жена должна ждать его дома, может быть, старается и готовит ужин. Что будет с ней, если они вдруг разобьются? Будет плакать, страдать от горя? Вдруг опять стало тяжело на сердце, но теперь уже не от того, что он боится летать, ему стало стыдно перед женой. Кирилл глубоко вздохнул и сказал сам себе, что больше никогда не будет ей изменять, никогда.

Настроение известного телеведущего резко изменилось, как только шасси современного лайнера коснулись бетонного полотна посадочной полосы.

– Скажите, что вы делаете завтра вечером? – спросил Кирилл у той самой стюардессы с безупречной улыбкой, когда отдавал ей стакан. – У нас планируется передача про представительниц вашей нелегкой профессии.

Именно «завтра» у девушки было абсолютно свободно, причем, как всегда у большинства для популярного, не ли-

шенного удивительного обаяния ведущего вечернего шоу на центральном канале. Только в Останкино, уже через несколько часов он вспомнил, что забыл позвонить жене. И на секунду в голове промелькнула клятва, данная в самолете, он улыбнулся: «Чего только со страху в голову не придет».

– Алло, я не разбудил тебя? – спросил Кирилл, раскачиваясь в своем кресле.

Он немного опасался, что вновь может начаться скандал. Особенно теперь, когда она начала все больше замыкаться в себе, когда все чаще молчала и почти не интересовалась его жизнью, но разрывать брак Кириллу совсем не хотелось. С самого начала этот союз многие называли идеальным. Он – известный телеведущий, она – красавица-модель. Красивая пара, красивый роман, все как положено, гламурная жизнь в ее полном соответствии с ожиданиями поклонников.

– Да! – раздался в трубке хриплый голос Маши. – Я все ждала, когда же ты позвонишь, но... Впрочем, – она сделала небольшую паузу, – как и всегда в последнее время.

Кирилл нахмурился.

– Самолет задержали, – соврал он, – да и телефон разрядился.

– Как всегда в самое неудобное время, – вздохнула Маша, – ладно, я буду дальше спать, если придешь, постарайся меня не будить, завтра я иду на собеседование.

Она положила трубку. Кирилл схватил карандаш со стола и начал что-то судорожно рисовать на бумаге, ему очень

хотелось изобразить полного доброго поваренка, но все время выходил какой-то чертенок. Видимо, развод был не за горами, если Маша начала искать работу, значит, она наводит переправу на ту, независимую жизнь. Сохранять иллюзию счастливой жизни, пусть даже врать самому себе, но видимость благополучия нужно сохранить.

– Ну что, поехали? – В кабинет ворвался продюсер его программы Степан.

– Куда? – удивился Кирилл.

– Ну как же, – развел руками Степа, – нас же ждут на презентации в салоне, я и фотографов организовал.

– А, ну да!

Кирилл положил на стол карандаш, с листа бумаги на него смотрели пятеро чертят, все они ехидно улыбались, а тот, что справа, самодовольно подмигивал.

Глава 2

Субботним вечером Никита привычной дорогой шел на службу в храм, куда его распределили после окончания его учебного заведения. Храм был совсем небольшим, на окраине города, но прихожан было достаточно много, особенно в последнее время. Никита давно заметил, что когда в стране происходит что-то неладное, количество людей, нуждающихся в Боге, заметно прибавляется.

Как часто бывало перед службой, Никита немного нервничал. Он всегда как будто чего-то опасался, несмотря на то, что служил уже пять лет. До сих пор боялся забыть слова молитвы, сделать что-то не так или даже споткнуться и упасть. К церковному облачению он так и не смог привыкнуть, оно его сковывало, мешало, но законы православной церкви были незыблемы – вот уже несколько сотен лет обряды и традиции не менялись. Никите даже нравилось, что церковь продолжает оставаться самой консервативной организацией.

Во время службы Никита обычно выхватывал взглядом одного или двоих молящихся человек из толпы, ему было так проще, не обращать внимания на некоторых неадекватных прихожан. Вот и сейчас трое молодчиков явно не смиренного вида бесцеремонно оттерли женщину с грустными глазами. И начали усердно молиться, а потом вытащили пудовые золотые кресты, весящие на золотых цепях с палец

толщиной, и расцеловали их. Местная братва, наверняка кого-нибудь покалечили, теперь грехи замаливают. Причем делали они это регулярно. Никита поморщился. Священник не понимал, на что они рассчитывают? Неужели они думают, что когда предстанут перед Богом, скажут ему: Господи, да, я пьянствовал, блудил, бил людей, занимался вымогательством, может даже убивал! Но я всегда в тебя верил, молился и давал деньги на храмы, отобранные у других. Прости меня! И будь моя душа проклята, если он их простит! Никита перекрестился, отринул гневные мысли, нашел взглядом ту женщину и продолжил службу. Никита уже знал, что после службы она обязательно к нему подойдет попросить совета. Мысленно он пытался понять, что у нее случилось. Здесь и не нужно было долго размышлять: У нее либо кто-то умер, либо скоро кто-то умрет. Такие люди приходили каждую неделю, каждую неделю они задавали ему один и тот же вопрос, и каждую секунду они задавали тот же самый вопрос своему Богу: за что? Что можно было ответить на это? После службы Никита сам нашел эту женщину, отвел ее в сторону.

– Что с вами случилось?

Она, тут же всхлипнув, задрожала.

– Я не знаю что мне делать... – шепотом проговорила она. – Не знаю, не понимаю, почему так случилось со мной, за что?

Никита смотрел в ее заплаканные глаза, глаза, в которых скопилось столько боли и отчаяния. Возможно, церковь бы-

ла для нее последним убежищем, последним шансом получить ответы на все вопросы, но он, священник, ничем не мог ей помочь.

– Смиритесь, – проговорил он тоже полусшепотом, – тако-ва воля Божья.

Она подняла голову и посмотрела ему прямо в лицо. Он видел, как отчаяние нарастает в ней.

– За что он так с невинным младенцем? – проговорила она еле слышно. – Если ему нужны жертвы, почему он меня не забрал?

Никита обнял женщину за плечи, хотя законы церкви этого не одобряют, ему было ее искренне жаль. Если бы он мог ей чем-то помочь, если бы он сам знал ответ на эти вопросы. Наверное, самые сложные вопросы, которые может задать себе человек.

– Вы думаете, мы можем перехитрить Бога? Думаете, мы можем быть умнее его? Он лучше нас знает, как и что должно быть, просто смиритесь.

Никита хорошо понимал, что не помог ей ничем. Ему очень хотелось сделать хоть что-то, как-то реально поучаст-вовать в судьбе этой женщины, сказать ей то, отчего ей стало бы легче, но он не знал таких слов.

– Идите домой и успокойтесь. Не переживайте, все наладится. Господь не посылает испытаний, которые не мог бы выдержать человек! Примите это, и вам будет куда проще жить, молитесь и полагайтесь на Божью милость. – Никита

почти полностью повторил слова своего духовника, но в душе с ним был не согласен.

Всю дорогу домой священник думал об этом разговоре, он снова и снова возвращался к женщине в своих мыслях. Вспоминались и другие люди, искавшие ответ на тот же вопрос. Наверное, их уже несколько сотен, таких же несчастных, как она, буквально каждый день он сталкивался с ними.

Никита поднялся на пятый этаж в свою съемную квартиру. Не снимая обуви, прошел в комнату, машинально включил свет, бросил ключи на стол, открыл дверцу старой стенки. В пустом стеллаже, на самой верхней полке лежала фотография. Никита запрещал себе лишний раз смотреть на нее, но этот снимок был последним воспоминанием из его прошлой жизни. Это был последний снимок его семьи. Фотография была сделана за несколько дней до того, последнего дня. Смотря на фото, он все время думал об одном и том же: почему, за что?! Тот же самый вопрос, ответ на который он искал уже столько лет, искал и не находил... Он много раз ругал себя, что не поехал тогда с ними. Если бы он не поленился и заставил себя подняться, то может быть, несчастье забрало бы и его. Но он остался, теперь уже навсегда один. Он и этот снимок – единственная связь с миром из прошлой жизни. Никита аккуратно провел пальцами по фотографии. Улыбнулся и положил снимок обратно, приподняв сломанную дверцу стеллажа и закрыв на ключ. Так становилось комфортнее на душе.

Глава 3

Марина захлопнула дверь машины, нажала кнопку сигнализации, автомобиль пару раз подмигнул и девушка направилась к дому. И хотя от парковки до подъезда нужно было пройти каких-нибудь тридцать метров, Марина всегда боялась этого расстояния. Неосвященный двор, спальный район, мало ли что здесь может произойти.

Девушка влетела в подъезд, быстро прошла к лифтам, в очередной раз отметив про себя, что строить такие сложные подъезды глупо и просто небезопасно. Впрочем, лифт работал. Влетев в квартиру, Марина быстро заперла дверь и лишь теперь, облокотившись на нее спиной, наконец, ощутила себя дома и в полной безопасности. И в ту же минуту, как только она расслабилась, Марина поняла, как же невероятно она устала. Сегодня в клинике, где она работала неврологом, на приеме было три десятка пациентов, а потом, уже после приема, она провела полночи в лаборатории, проверяла исследования, заполняла карты, да и просто думала над диагнозами и лечением своих пациентов.

Хоть и пустая, огромная четырехкомнатная квартира была ее защитой, но в дни, когда она возвращалась домой глубоко за полночь, ей становилось здесь немного не по себе. Раньше ей очень нравилось находиться в тишине, слушать тишину, теперь тишина казалась ей зловещей, угнетающей.

Она все время слышала какие-то потусторонние звуки, скрежет, шуршание, иногда ей чудилось чье-то дыхание.

– Я просто переутомилась, – сказала она самой себе, – скоро отпуск, море, пустая голова.

С этими словами Марина стянула с себя пальто, повесила его на дверцу платяного шкафа, кое-как стянула узкие сапоги и пошла на кухню. Она поставила чайник на плиту, достала чашку, машинально сделала несколько бутербродов с черствым хлебом, как вдруг зазвонил телефон. Девушка вздрогнула, домашний телефон громко трезвонил, полупустые комнаты отражали звук, который звонко разлетался по квартире.

– Алло! – крикнула она в трубку.

– Марина? – спросил робкий голос в трубке. – Ты добра-лась, все нормально?

– Я, – продолжала возбужденная Марина, – Алла, ты в своем уме, ты видишь, который час? Я уж подумала, что у родителей что-то случилось или у брата. Естественно, я до-ехала, что со мной может случиться?

– Что-то ты совсем дерганая, – щебетал женский голос.

– Я нормальная, – сказала Марина, наливая себе чай и проливая половину кипятка мимо кружки.

– Давай спокойнее, попей всякие травки успокаивающие или выпиши себе рецепт антидепрессантов...

– Не знаю, что со мной происходит... – вздохнула де-вушка, усаживаясь на табурет, – знаешь, в последнее время

столько больных идет. Такое ощущение, что в стране вирус какой-то, сегодня троих направила на МРТ, подозрение на рассеянный склероз, – Марина вздохнула, – жалко мне их, и самое страшное, что молодые все, понимаешь?

– Экология, – вздохнула подруга, – что ты хочешь? Чем мы дышим, что едим, сама ведь все понимаешь, чему удивляться?

– Да не то что удивляюсь, просто странно это, ну и выматывает, конечно... – Она вздохнула.

– Мужика тебе надо! – хихикнула подруга.

– Ага! Где только найти его, нормального мужика. – Марина поставила чашку в мойку. – Ладно, пойду я спать.

Уже лежа в кровати, Марина подумала, что ей действительно не хватает надежного мужского плеча. Если даже друзья и коллеги начали замечать, что она специально засиживается на работе, значит, дело «труба». Девушка вздохнула, большая пустая квартира не давала ничего кроме ощущения защиты после ежевечернего забега от машины до двери дома. Когда-то квартира покупалась специально для большой семьи: мамы, папы, для пары детей. А теперь только кухня и спальня хоть как-то обставлены мебелью, остальные три комнаты абсолютно пустые, даже обои она в них переклеивать не стала. Марина развелась полтора года назад, брак, который все вокруг считали счастливым, сначала дал небольшую пробоину, потом крен, а затем и вовсе развалился на две половины.

Глава 4

День Олега как всегда начинался после обеда. Он уже привык ложиться поздно, засиживаясь перед компьютером, увлеченный делом, Олег даже не замечал, как стрелки часов уходили далеко за полночь. И если раньше он пытался как-то бороться с собой, заставляя раньше ложиться и раньше вставать, то последние несколько лет он понял, что организм сам для себя выбрал наиболее оптимальный режим жизни, и Олег перестал бороться с этим.

Это был самый обычный день, только сегодня у Олега была назначена встреча в центре города. Ресторан, где предстояла встреча, находился в одном из небольших переулков. Олег приехал вовремя, за два часа до окончания рабочего дня, он мог себе позволить приезжать в город только в это время, немногие раньше кафе и рестораны отвоевывали обедающие офисные работники, чуть позже город наполнится людьми, расслабляющимися после рабочего дня.

Немного повиляв по перегруженному столичному центру, Олег наконец-то нашел место для парковки. Выбрался на улицу, метрдотель помог ему пересесть в коляску. За столиком у окна сидел молодой человек в твидовом клетчатом пиджаке и нелепой белой бейсболке.

– Петр? – спросил Олег, подъезжая к незнакомцу.

– Да, а вы, должно быть, Олег Юрьевич? – собеседник

кивнул. – Очень приятно.

После небольшой паузы новый знакомый продолжил:

– Что-нибудь закажете?

– Да, чай с лимоном, – ответил Олег, доставая из сумки какие-то папки. – Здесь то, чем вы интересовались.

Он передвинул собеседнику синюю папку.

– Там вы найдете все что хотели, – продолжал Олег, – но вы знаете, я подумал, что не буду пока передавать вам все...

– Но мы же договаривались, – перебил его Петр, – как же так, что мне сказать своему руководству?

– Думаю, этого будет достаточно, – улыбнулся Олег.

– Хорошо, – сказал Петр и принялся тут же перебирать содержимое папки, – а сами что, не надумали еще? – поинтересовался он, не поднимая головы на Олега.

Олег задумался, неспешно добавил сахар в чай, который только что принес официант и стал медленно помешивать его ложечкой, так долго, что Петру пришлось оторваться от перелистывания бумаг и поднять голову на своего визави.

– Вы знаете, Петр, – начал наконец Олег, – я почти уверен, что вы неправильно распорядитесь тем, что я вам передал...

– Но!

– Подождите, не перебивайте, – улыбнулся Олег, – я согласился помочь вам, потому что это на самом деле очень важно для меня, для вас, да и для всех, для всего человечества. Принимать участие в том, что вы хотите сделать, я пока не буду, но с удовольствием посмотрю, как вы работаете.

– Конечно, хоть сегодня, – тут же согласился Петр, – я могу организовать вам пропуск, встречу, провожу, придете?

Олег откинулся на спинку своего инвалидного кресла, постучал пальцами по столу.

– Нет, не сегодня, давайте на следующей неделе.

– Хорошо, я вам перезвоню в понедельник, – улыбался Петр, – договорились?

– Хорошо!

– Я тогда поеду, а то времени в обрез, как всегда не хватает... – Петр встал. – И спасибо вам большое, вы нам очень помогли.

– Не за что! – Олег улыбнулся в ответ.

Глава 5

Маша ехала за город, ей нравилось водить, за рулем она не ощущала того давления, которое испытывала дома. Еще утром она попросила родителей забрать сына из школы и побыть с ним несколько дней. Она решила немного отдохнуть от мужа, семьи, дома. Собеседование прошло отлично, через неделю у нее должна будет состояться вторая встреча, на этот раз с продюсером канала. Еще в период своей модельной биографии она хорошо понимала, что провести всю жизнь, порхая, как мотылек, с одной съемки на другую она не способна. Образование получить не успела, думала, что заработает на будущее, но реалии российского шоу-бизнеса не дали возможности сделать блистательную карьеру с многомиллионными гонорарами. Хватило только на небольшую дачу в элитном пригороде столицы, которую, впрочем, она теперь почти все время сдавала – нужны были деньги. Но вот уже месяц на даче никто не жил и теперь она счастливая в буквальном смысле летела в направлении МКАДа... небольшое опасное сближение на Кутузовском проспекте, но Машу это только подзадорило и она еще сильнее надавила на педаль газа. Еще минут двадцать и она за городом – в тишине и покое.

Глава 6

Утром у Кирилла было сильнейшее похмелье. Всю ночь они веселились, под утро действительность стала смутной и о том, как он добрался до дома, Кирилл просто-напросто не помнил. Будильник он, разумеется, проспал, а Маша и не подумала его разбудить и вообще куда-то пропала. Кирилл был зол, очень зол, с того момента, как он проснулся, точнее был разбужен гневным продюсером канала, он получил от него еще несколько таких же недовольных звонков. За рулем Кирилл ощущал себя как капля воды в раскаленном масле, ему все время мерещилось, что еще чуть-чуть, и он врежется либо в машину, либо в светофор. Наверное, он все еще был пьян.

Кирилл быстро прошел мимо поста на входе в Останкино. Поднялся на лифте и теперь мечтал пройти никем не замеченным до кабинета. Длинные коридоры телецентра были полупустыми, он специально свернул в тот, которым почти никто не пользовался. Через минуту тело популярного телеведущего тяжело опустилось в кресло. Кирилл окинул усталым взглядом чертят, которых нарисовал вчера, достал из ящика стола бутылку минеральной воды, бросил в нее несколько растворимых таблеток. Дождался, пока они растворятся хотя бы наполовину, и стал жадно пить. Больше всего Кириллу сейчас хотелось пива, и время от времени он

даже подходил к ящику у окна, но опохмелиться так и не решился, через несколько часов он должен будет выйти в эфир, а лишаться работы, тем более такой звездной, ему совсем не хотелось.

В комнату постучались, через мгновение в дверном проеме показалось испуганное лицо секретарши.

– Кирилл Аркадиевич, – сказала она робко, – вас полдня Петр Алексеевич разыскивает.

– Хорошо, сейчас поднимусь, – улыбнулся он в ответ, изображая жизнерадостность, хотя получалось, скорее всего, плохо.

Через пятнадцать минут телеведущий ощутил, как похмелье начало сдавать свои позиции, по крайней мере, металлические стержни, пронзавшие голову при каждом повороте или наклоне, перестали его мучить, значит, можно идти и слушать упреки руководства.

Кабинет шефа был этажом выше и больше примерно в два раза, иерархия требовала четкого соблюдения норм. Проработав в телецентре еще несколько лет, Кирилл обязательно получит точно такой же кабинет на том же этаже. Понятие карьерной лестницы в Останкино некоторые понимали почти буквально.

– Ты плохо выглядишь, – вздохнул продюсер, добавив ехидно: – Значит, вчера было хорошо.

– Это от усталости, Петр Алексеевич, с самолета, десять часов перелета...

– Кирюша, – перебил его шеф, – я все понимаю, зарплата у тебя небольшая, но есть лицо. Узнаваемое лицо, почему бы время от времени не получать барыши только за лицо. Все понимаю и не возражаю.

В голову Кирилла снова стали впиваться металлические пруты. Надо было больше таблеток кидать, подумал он.

– Но и ты должен понять меня, – лицо шефа постепенно становилось пунцовым, – сегодня эфир, а тебя нет.

– Пробки, – робко парировал Кирилл.

– Какие еще пробки, – заорал Петр Алексеевич, – ты это еще телезрителям скажи, хотя плевать на них, генеральному скажи, что программа задержится, потому что в этом чертовом городе всегда пробки!

Кирилл молчал, боль становилась почти невыносимой, спорить не было сил.

– Короче так, Кирюша, – начал успокаиваться шеф, – еще раз принесешь сюда свою пьяную морду, выгоню взашей, это раз. Два: рейтинг твой, Кирилл Аркадиевич, падает, а стоишь ты в самый что ни на есть прайм-тайм, так что давай иди, похмеляйся, выходи в эфир, а потом принесешь список тем, и чтобы скандал там был, понял меня? Скандал!

– Где ж его взять-то, скандал? – Кирилл слишком поздно понял, что сказал глупость.

– Вот если ты повесишься в прямом эфире, рейтинг будет о-го-го, так что думай Кирюша, думай.

Вернувшись обратно, первым делом Кирилл выпил

несколько таблеток обезболивающего, прибегнуть к совету шефа и опохмелиться он не рискнул. Вместо этого, в ожидании действия таблеток, телеведущий снова принялся рисовать поваренка. Кирилл почему-то снова начал думать о жене, несмотря на то, что он часто обижает ее, делает ей больно, он хорошо понимал, что любит этого человека и в такие моменты, как сейчас, она ему очень нужна. Маша обладала удивительным свойством все время находить нужные слова, такие слова, от которых ему делалось обязательно лучше.

Думая о жене, Кирилл наконец-таки смог нарисовать своего поваренка. Он обрадовался и понял, что голова вовсе перестала болеть.

– Степа, – он тут же набрал внутренний номер коллеги, – пойдем, покурим.

Курилка находилась на лестнице, Кирилл поздоровался со своими многочисленными коллегами.

– Ну как, подстриг, старик? – смеясь, спросил Степа.

– По полной, я думал – умру там, да еще голова раскалывается, думаю, еще одно слово он мне скажет и выпрыгну из его окна, пусть потом доказывает, что это не он меня выбросил, – засмеялся Кирилл.

– Ты пришел в себя-то?

– Разумеется, – сказал Кирилл, – ты купишь мне еще пару пачек таблеток, ладно? Слушай, нам нужно еще что-то придумать со скандалами, старик требует крови.

– Как всегда, – вздохнул Степан.

– Давай думать.

– Интересно, а чем я обычно занимаюсь? Давай про могильщиков, позовем их в студию...

– И что? – смеясь, спросил Кирилл. – Предложим им на скорость закопать меня там?

– Можно и так, – согласился Степа, – можно и гробик тебе подогнать, красивый.

Кирилл отмахнулся.

– А ты что думаешь, Петь? – спросил Степа только что влетевшего в курилку молодого стажера.

– Ничего не думаю, – ответил юноша, – есть пара задумок, но Алка все режет, все ей не то, все бесперспективно.

– Да слышали мы, что ты ей там носишь, – засмеялся Кирилл, – я бы тоже зарезал, только не идею, а тебя, если бы ты предложил мне воскресить человека в прямом эфире.

– А что? – начал возмущаться Петр, – подвесить труп на стропы и поднять... А? Какой рейтинг будет.

– Было уже, – отмахнулся Степан, – есть какие-то более реальные идеи, что там тебе еще Алла Викторовна завернула?

– Она все мне заворачивает.

– А ты перестань ей всякую мистику таскать, глядишь, что-нибудь и утвердит, – посоветовал Кирилл.

– Есть тема про покойников, – не унимался Петр, – возмете?

Кирилл и Степан в недоумении переглянулись.

– Там можно попробовать провести эксперимент по взвешиванию души, – продолжил Петр не дожидаясь ответа, – снять сюжет, а в студии уже это обсудить с героями.

– Кого в герои-то брать, медиумов? – засмеялся Кирилл. Он задумался, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Мать ожидающего смертной казни и священник, – Степан поднял глаза на ведущего, – как вам? Хорошая резня должна получиться между ними, а?!

– Хорошая, только смертной казни в нашей стране нет, – ответил Кирилл.

– Ну и что, палачи же остались, живы еще! – Глаза Петра горели.

– А ты вообще монстр, – ткнул пальцем в стажера Степан.

– Нет, тема смертной казни нам не подходит, – сказал Кирилл, – нужно что-то другое.

– Может, про коррупцию в церкви? – вяло предложил Петр. Да и попы вой поднимут, на начальство давить начнут, хотя...

– Есть священник? Без священника этот эфир не провести, – сказал Степа, – мы много об этом думали, но РПЦ слишком закрыта, а с отщепенцем эфир провести не получится.

– А ты предложи другую тему, про аборты что-нибудь... – Кирилл встал. – Главное, чтобы в студии сидел, а там я сделаю все как нужно.

– Давай попробуем, – без энтузиазма согласился Степан.

– У меня есть пара священников на примете, – тут же встал молодой карьерист.

– На следующей неделе сможем эфир провести? – спросил Кирилл.

– Да, я могу взяться за разработку прямо сейчас, – глаза Петра светились нездоровым азартом.

– Принимайся за дело, – согласился Кирилл, – разберись со сценарием, Степ. Ладно, пойду пока гримироваться.

– Эй, – крикнул Степан в след, – ты сегодня помнишь, что у нас вечеринка в «Рице»?

– Ага, там и похмелимся! – засмеялся Кирилл и ушел.

– Степа, а может, вы меня возьмете в штат? – взмолился молодой карьерист. – У меня еще много хороших идей есть.

– Как с этим справишься, так видно будет... – Степан выкинул недокуренную сигарету в ведро с водой и вышел.

Глава 7

Марина сняла очки и потерла глаза. Из кабинета только что вышел очередной пациент.

– Устали? – спросила сестра. – Напряженный сегодня денек.

– Да уж, – еле слышно сказала врач, – не понимаю, они что, решили заболеть все именно сегодня?

– Бывает, – сестра пожала плечами.

Марина встала, прошлась несколько раз по кабинету.

– Знаешь Свет, я, когда выбирала себе эту работу, думала, что буду заниматься исследованиями, а не лечением, и вот что получилось, – Марина снова села за стол.

– Звать следующего? – поинтересовалась сестра. – Или небольшой перерыв нужен?

– Посмотри, сколько там еще пациентов, если больше трех человек, то перерыв.

Через час Марина вышла на улицу. Кутаясь в пальто, она пыталась рационально объяснить себе, почему у нее все время растет количество заболевших неизлечимыми недугами. Она хорошо понимала, что увеличение таких болезней в первую очередь связано с улучшением диагностики, ранним выявлением, хорошим лечением. Многие люди, заболевшие раньше такими редкими болезнями, теперь могут жить намного дольше. Марина вдыхала свежий воздух, и усталость

отступала.

– Тяжелый день?

Марине не нужно было оборачиваться, чтобы узнать своего коллегу.

– Максим, – сказала Марина, – как вы для себя объясняете увеличение числа тяжелобольных, в особенности больных редкими болезнями?

– Лучше диагностируем, Марина Петровна, вот и находим.

– Вы думаете? – Марина повернулась к коллеге. – Я тоже так все время себе говорю, но все чаще мне начинает казаться, что нас слишком много.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы же знаете, что за последние 50 лет число полезных веществ в овощах и фруктах сократилось в несколько раз?

– Да, слышал что-то подобное, – кивнул Максим, – нужно еще больше есть фруктов.

– А может быть, планета таким образом пытается сократить численность людей?

– Мариночка, – врач по-прежнему смотрел не на свою собеседницу, а куда-то вдаль, – это философия. А врач не должен философствовать. Врач должен ставить правильный диагноз и хорошо лечить.

– Вы правда так думаете? – удивилась Марина.

– Нет, конечно, – усмехнулся Максим, – но слишком мно-

го размышлений на пользу вам не пойдет. Да и потом, ну допустим, природа не справляется с таким количеством народа. Если это действительно так, что вы предлагаете сделать, расстрелять лишних?

– Ну не столь радикальные шаги, полагаю, но что-то же можно сделать, как-то регулировать этот процесс можно?

– И вы это говорите, живя в стране с отрицательной демографией? Позвольте этому процессу, как вы выражаетесь, регулировать самого себя. Вам-то зачем задаваться этим вопросом? У вас что, других проблем в жизни нет? – Максим первый раз за все время разговора посмотрел на Марину.

Девушка была более чем удивлена, хороший знакомый, коллега-врач предлагал ей не думать о здоровье людей, а пустить все на самотек.

– Максим! – Марина пыталась скрыть легкое раздражение, – наверное, именно потому, что у меня слишком много проблем, я и задумываюсь над этим вопросом.

– Марина Петровна, – самодовольно улыбаясь, начал Максим, – какие конкретно предложения у вас есть, вы можете как-то проверить вашу догадку? Возможно, если вы внятно аргументируете свою точку зрения, я вам помогу, и если все пройдет хорошо, мы получим Нобелевскую премию. Так что?

– Что – что? – удивилась Марина.

– Какие есть предложения? – переспросил Максим.

– Для вас, Максим, никаких, – Марина уже не могла сдер-

живать раздражение, – приятного дня.

Она развернулась и пошла обратно. До конца дня Марина размышляла над словами коллеги. А действительно, что может она, хрупкая женщина? Может ли она сделать что-то для этого мира полезное? Да и так ли это миру необходимо? Перенаселение преимущественно распространено в развивающихся или вообще неразвитых странах. Там, где людям больше нечего делать, им остается только размножаться, и наоборот, развитые страны дают совсем небольшой прирост населения.

– А давайте обсудим все это за ужином, что вы сегодня вечером делаете?

– Стыдитесь, Максим Анатольевич, стыдитесь, – засмеялась Марина, – я вам такие вещи говорю, а вы все о плотском.

– Отчего же, – засмеялся в ответ Максим, – о плотском думаете вы, я же предложил вам просто поужинать.

– Спасибо, мне еще в лабораторию, – улыбнулась девушка.

– Вы как всегда бежите. От чего же вы бежите, прекрасная Марина? – Коллега лукаво прищурился.

– От вас бегу, Максим, от вас... – Марина торопилась попрощаться с врачом.

– Интересно, чем же я так насолил вам, – удивился реакции Максим, – неужели только тем, что не размышляю всерьез над глобальными проблемами человечества и не пытаюсь найти пути их решения?

– Зачем вам просить об этом, Максим? Сколько раз вы предлагали мне поужинать? Сколько раз я отказывалась? Если вы строите свое суждение о девушке только в контексте количества отказов, то мне очень жаль вашу избранницу, если она, конечно, появиться когда-нибудь. – Марина засмеялась. – Что до меня, то я стараюсь не бегать. Вы же врач, Максим, должны знать, что бег давно уже признан не самым полезным видом спорта для профилактики инфарктов. Поэтому я предпочитаю, по рекомендациям тех же ученых, избегать встречи с этим очень, кстати, помолодевшим недугом при помощи неспешных пеших прогулок, чего и вам советую.

На этих словах Марина рассталась, наконец, с Максимом и, довольная собой, вышла из подъезда поликлиники.

Глава 8

– Отец Никита? – спросил незнакомый голос в трубке.

– Он самый, – улыбнулся Никита. За сколько лет он так и не привык, что его называют «отец».

– Добрый день, – сказали в трубке, – меня зовут Петр Захаров, я работаю на телевидении, хотел вас пригласить к нам на эфир.

После небольшого рассказа о том, на каком канале и в какую передачу он приглашает Никиту, собеседник сказал:

– Мы готовы вам заплатить за участие в программе.

«Опять работа... – подумал Никита. – Все-таки все больше и больше людей воспринимают священников как работников церкви».

– Нет, – он улыбнулся, – платить мне не обязательно. Расскажите лучше, почему вы позвонили именно мне, и кто вам дал мой номер?

– Я живу рядом с церковью, где вы служите, наблюдал за вами несколько раз, видел, как вы беседуете с людьми, и мне показалось, что именно вы лучше всего подойдете для темы нашей программы об абортах и эвтаназии. – Петр говорил быстро, почти скороговоркой, он считал, что если выплеснуть на человека сразу много информации, человек согласится с тем, что ему предлагают, из-за врожденной вежливости. И еще Петр был убежден, что вежливых людей намного

больше, чем грубых, и этим грех не пользоваться. – Да, и еще к вам очень хорошо относятся люди.

– Спасибо, – сконфузился Никита, – а что касается вашего предложения, то мне нужно немного подумать, ну и, конечно, спросить благословение наставника.

– Приходите обязательно, отец Никита, – продолжал уговаривать Петр, – мы в вас очень заинтересованы.

Никита попрощался, положил трубку и снова погрузился в свои размышления. Он подошел к окну. По полупустым дневным улицам прогуливались молодые мамы с колясками. Многие матери прививают веру в Бога своим детям с самого раннего возраста, говорят им, что нужно жить по законам Божиим, верить в Него, надеяться на Него, потому что иногда больше никто, кроме Него, не поможет. Никита вспомнил свою бабушку, которая при любом случае спрашивала его: Илюша, а ты в Бога веришь? Илюша кивал и уходил. Он старался избегать подобных разговоров с любимой бабушкой, он знал, что ей было важно привить ему веру. Набожная бабушка считала, что приучая внука к вере, спасает его, дает ему шанс получить заветный билет в рай.

Но он также понимал, что почти полностью разочаровался в Боге, когда произошла катастрофа всей его жизни. Никита вновь обратился к той фотографии: Светловолосая, навсегда двадцатипятилетняя Света смотрела на мужа такими живыми, наполненными радостью и оптимизмом глазами. Она прижимала к себе пятилетнего мальчика без переднего зу-

ба. Такой же, как и мать, светловолосый Артемка махал папе рукой из какого-то теперь другого мира. Вот уже столько лет Никита не мог себе простить этой поездки, еще больше он не мог простить себе, что отпустил их в тот день одних. Иногда это случается, иногда это случается даже на цивилизованных и, в общем-то, безопасных курортах. Артем в тот день очень хотел на море, а как московский ребенок может не хотеть на море? Никита, не переносящий жару, накануне получил свой первый тепловой удар, поэтому идти на море в полдень казалось ему неразумным. Света тоже совершенно не хотела выводить ребенка на улицу в самое пекло, но Артем ныл и ныл. Материнское сердце не выдержало и они стали собираться, договорившись с сыном, что большую часть времени он проведет в тени под пальмой, Света наспех собралась, и они ушли. Как потом выяснилось, все случилось очень быстро.

Какой-то пьяный турист, слишком сильно разогнавшись на скутере, отвернулся буквально на несколько секунд, и... Если ни один волос не упадет без воли «отца небесного»! Как это понять, что он позволил снести полчерепа и раскидать мозг невинного младенца по лицу матери и жены одного из самых преданных своих слуг! Как это понять? И тем более принять!

Чтобы построить правильную, спокойную жизнь и семью, нужны годы, иногда десятилетия, чтобы все изменилось, иногда достаточно нескольких секунд. Артем умер сразу,

Свету отвезли в больницу, ей не хотели ничего говорить, но чуть придя в себя, она и так все поняла. Провалилась в забытьи и ушла за Артемом. Кто-то из родственников сказал, что ушла она специально, помогать сыну становиться ангелом.

Никита тоже провалился, провалился в какую-то рутинную кашу, которая затягивала с каждым днем все сильнее и сильнее. Он забросил свою контору, почти не выходил из квартиры, ежесекундно задавал себе один и тот же вопрос, ежесекундно проворачивал в голове сотни схем, как бы мог изменить тот день. В один прекрасный день он вышел из квартиры, но до магазина так и не дошел, а зашел в небольшую часовню. Там он и понял, чему должен посвятить свою дальнейшую жизнь. Он решил, что должен спасти хотя бы две жизни, избавить каких-то других людей от тех мук, которые мучили его самого.

Никому ничего не говоря, Никита закрыл свой бизнес, закончил семинарию, сдал квартиру в престижном районе, сам же поселился в давно не выдавшей ремонта пятиэтажке, рядом с храмом, куда его распределили.

И только однажды он рассказал свою историю духовнику, и не потому, что так было нужно. Дело в том, что даже став священником, Никита так и не смог понять, почему Бог поступил с ним таким несправедливым образом.

Количество спасенных Никитой душ неизвестно, да и как можно их сосчитать, но он старался помогать каждому, кто к нему приходил: кому словом, кому делом. Нельзя было даже

сказать, кому больше служил отец Никита – Богу или людям? Никогда он не скупился ни на слова, ни на время, но то, что произошло с ним в последние дни, не отпускало его.

Никита начал понимать, что дорога, которую он себе выбрал, может вполне оказаться ложной.

Глава 9

– Олег, добрый вечер! Это Петр.

– Добрый, добрый, – улыбнулся Олег.

– Хотел пригласить вас на эфир завтра, должна быть очень интересная передача... – Голос Петра звучал напористо.

– А тема какая?

– Очень любопытная тема, – запел Петя, – убежден, вас она очень заинтересует, в том числе и с позиции той информации, которую вы собираете. Кстати, я прочитал то, что вы передали мне, и знаете, что я хочу сказать вам?

– Очень интересно, что, – опять улыбнулся Олег.

– Все просто великолепно, – защебетал Петя, – я никогда не видел, такого точного, детализированного подхода к этой теме. Я, конечно, встречал многих людей, которые пытались нести подобные идеи в массы, но вот у вас...

– Я все понял, – перебил его Олег.

– Как же... – смутился Петр.

– Выпишите на завтра пропуск, я приеду, – согласился Олег, даже не спросив, чему будет посвящена программа. Это, собственно, было уже не актуально.

– Да, разумеется, приезжайте в половине девятого, я вас встречу. Знаете, где находится телецентр?

– Представляю, – буркнул Олег.

– Хорошо, вам нужно в то здание, что повыше и новее

выглядит. Значит, договорились. В половине девятого, я вас буду ждать на проходной.

– Договорились, – Олег положил трубку и задумчиво почесал лоб. Не совершил ли он ошибку, отдав папку с информацией этому журналисту?

Глава 10

«Интересно, получится выудить у него всю информацию, – подумал Петр, попрощавшись с Олегом. – Это же надо, он смог связать в одну нерушимую цепь дюжину важнейших теорий! Можно было бы снять фильм или книгу написать. Получится отличный роман. Нет, – мысли юноши неслись все дальше, – фильм все же доступнее, его могут увидеть куда больше людей, он сделает меня по-настоящему популярным. Нужно только придумать, как его продать каналу. Вообще, – рассуждал Петр, – России давно пора обзавестись новой национальной идеей, идеей, которая захватит головы многих, и эту идею можно отлично реализовать в этом фильме».

– Петя, иди ужинать, – раздался мягкий женский голос с кухни.

– Сейчас, мам, – отозвался Петр.

Петру, конечно, было уже не до ужина: он набрасывал на бумагу финансовый план. Работая всего третью неделю на телевидении, пытливый юноша уже навел справки, что сколько стоит, где и как можно снимать, монтировать, озвучивать. Петру невероятно хотелось известности, славы. Он не затем пришел в Останкино, чтобы прозябать там помощником редактора, ему хотелось в эфир, ему хотелось блистать в каждом телевизоре на просторах всей необъятной

страны. Петр, конечно, отдавал себе отчет, что не бывает всего и сразу, но при взгляде на то, как работают остальные, он не терялся. Вполне нормально и привычно, если один человек делает одно дело, а юноша был «мультизадачен», что и было написано у него в резюме, он способен был делать все сразу. Молодой человек уже пробовал монтировать, ничего сложного в этом процессе не оказалось, немного скучно и долго, но зато каков был результат. Правда, он немного не понял, почему столь замечательный анонс на программу по его сценарию потом перемонтировали.

В той папке, что он получил от Олега, а точнее в ней и недостающих пока материалах он видел свое процветающее будущее. Он понял, чтобы идти по карьерной лестнице, нужно иметь семь пядей во лбу и еще к тому же лизать всем задницу. Здесь же лежало все и сразу на блюде с голубой каемочкой, нужно только подтолкнуть идею какому-нибудь богатенькому дяденьке, спонсору. Все будет в шоколаде и денег для этого нужно совсем не много.

Глава 11

Маша как раз собиралась сесть ужинать, когда зазвонил телефон. Вот уже неделю она жила на даче, каждый следующий день давался ей все сложнее, ее тянуло обратно – к сыну и мужу. Большую часть времени она проводила на свежем воздухе, занималась обустройством этого небольшого клочка загородной земли, но даже физический труд не особо спасал ее от размышлений. С каждым днем плохого, того, от чего она бежала, становилось все меньше. Голова наполнялась приятными воспоминаниями. Постепенно, шаг за шагом, Маша начинала понимать, что все еще любит мужа, любит семью. Она понимала, что жить без них сейчас она просто не сможет. Она хотела оставить Кирилла с самим собой, чтобы он понял, что может потерять в ее лице, а оказалось, что эта разлука как раз ее делает никчемной. Зависимость от семьи была у нее куда сильнее. Она сильно скучала, поэтому, когда увидела на экране мобильного фотографию мужа, с волнением сняла трубку.

– Дорогая, – голос Кирилла звенел от радости, – как ты там? Я так по тебе соскучился. Не надоело еще одной?

– Нисколько, – Маша пыталась придать своему голосу максимальную отстраненность и равнодушие.

– Чем ты там занимаешься уже неделю?

– Грядки пропалываю, – гордо отозвалась Мария.

– Грядки? – удивился Кирилл, – на тебя это не похоже. Ладно, скажи, когда мы наконец увидимся.

– Не знаю, я пока не уверена, что ты готов меня видеть, – сказала Маша, и сердце бешено застучало. Она боялась, что может перегнуть палку и он положит трубку.

– Очень хочу, давай приезжай завтра в город, приедешь?

– Не знаю, не уверена пока... – Она настойчиво продолжала гнуть свою линию, ей, разумеется, было приятно, что она заставляет мужа добиваться себя.

– Завтра интересный эфир предстоит, так что если ты приедешь пораньше, то сможешь увидеть, какой я у тебя молодец. А после можем сходить куда-нибудь поужинать. Хорошо? – Кирилл улыбался, у него было хорошее настроение, и Маша это ощущала.

– Посмотрим, – робко сказала она, хотя уже была готова выехать прямо сейчас.

– Вот и отлично, целую тебя.

Маша положила трубку, но тут же взялась за нее снова, нужно было позвонить в салон, завтра в ресторане ей хотелось выглядеть роскошно, про приготовленный плотный ужин уже речи и быть не могло...

Глава 12

Кирилл рано приехал в Останкино, он долго изучал сценарий, что-то в нем правил, сидел в интернете, добавлял и изменял свои реплики, переписывал вопросы. Он ощущал, что сегодня должно случиться что-то очень важное. В комнату влетел Степа.

– Кир, слушай, Петька нашел какого-то священника настоящего, – коллега никак не мог отдышаться.

– А что, актера тогда убираем? – удивился Кирилл.

– Ага, – кивнул тот, не в силах еще дышать нормально, – он скоро подъедет, так что давай список вопросов для него.

– А у меня нет, – развел руками Кирилл, – я его и не готовил, думал, настоящего священника не будет, а кто он, есть какая-нибудь информация?

Степан расхаживал по комнате туда-сюда, пытаюсь прийти в себя.

– Да ты успокойся, – сказал Кирилл, – хочешь, водички выпей.

– Нужно набросать этот ложный список, чтобы не сорвался. Ты представляешь, какой эфир будет, как у нас все пойдет?! Мало того, что у нас настоящий священник, какое у него будет удивление!

– Не сбежал бы, – сказал Кирилл, набивая на своем ноутбуке вопросы.

– Да даже если уйдет, ничего страшного, уже реакция будет.

– Ладно, иди, встречай, вопросы я тебе отправил по почте, я пойду поем и гримироваться, – Кирилл вышел из кабинета.

Глава 13

Олег вовремя подъехал к проходной телецентра. Около входа он сразу заметил Петра, который сначала помахал ему рукой, а затем пошел помочь выбраться из машины.

– Вот ваш пропуск, Олег Юрьевич, – учтиво сказал Петр, протягивая гостевое приглашение.

Этот молодой парень раздражал Олега, он был слишком навязчив, слишком напорист. Иногда это, конечно, помогало людям, но пословицу: тише едешь – дальше будешь, еще никто не отменял. Олег старался избегать взгляда юноши, который просто буравил его.

Олегу нужно было обязательно забрать свою папку.

– Я все внимательно несколько раз перечитал... – начал было Петр, но Олег тут же его прервал.

– А о чем сегодня программа? – спросил он.

– Очень интересная тема, – начал рассказывать Петр, – сегодня к нам придет священник, и мы будем выяснять, как так случилось, что церковь сегодня больше не Божий храм, а практически коммерческая организация, где каждый старается нажиться, как может.

– Очень интересно, – сказал Олег. – Петр, а вы действительно прочитали мою информацию?

– Да, конечно, – с явным возбуждением отозвался Петр, – вот скажите, может быть, это все инопланетяне?

– Что все? – удивился Олег.

– Я что хочу сказать, вот если развивать эту тему дальше, – Петр начал активно жестикулировать и размахивать руками, – может быть, это инопланетяне во всем виноваты?

– Виноваты?

Петр хотел что-то ответить, но не успел. К нему подбежал какой-то высокий человек с редкой бородкой и приказал ему отнести вопросы «герою». Петр ускорил шаг, они вошли в студию.

– Петр, а можно вас попросить принести мне папку, что я вам передал, я бы хотел уточнить, то ли я вам отдал?

– Да, сейчас только отнесу бумагу, и тут же обратно. А вы пока тут располагайтесь.

Олегу стало намного легче на душе. Немного успокоившись, он огляделся, студия оказалась гораздо больше, чем выглядела с экрана телевизора, наверное, потому что по всему периметру была обнесена черной тканью, декорации казались меньше, да и вообще со всеми этими проводами, камерами, она уже не выглядела такой уютной, как на экране. Пробираясь в зону, где уже сидели зрители, Олег заметил, как в студию вошел высокий темноволосый человек в черной рясе, без бороды. Олег подумал, что ему нравятся глаза священника, они были какие-то добрые. Олег не любил, не доверял священнослужителям, в основном потому, что они производили какое-то отпугивающее действие на него, а этот был доброй наружности сорокалетний человек.

Через несколько минут прибежал запыхавшийся Петр и передал Олегу синюю папку, а сам опять куда-то убежал, пообещав вернуться сразу после эфира, проводить его и договориться о следующей встрече. Олег хотел уйти, но не успел, эфир должен был начаться через несколько минут, двери студии плотно закрыли.

Никита нервничал. Его усадили в большое кресло, которое было единственным в студии. А значит, Никите предстояло стать центральным героем передачи, хотя он надеялся быть консультантом, высказать пару раз официальную точку зрения церкви, похлопать всем присутствующим и удалиться восвояси. Ситуация менялась прямо на глазах, список вопросов, который ему выдали в гримерной, был странным. Вопросы никак не были связаны между собой, они показались ему слишком поверхностными. Но деваться было уже некуда, поэтому Никита решил просто успокоиться. Через какое-то время в студии началось активное движение, без паники, но все начали ходить, что-то обсуждать. Перед ним из ниоткуда появился молодой человек в хорошем костюме. Никита крайне редко смотрел телевизор, но не узнать известного телеведущего он не мог.

– Добрый вечер, отец Никита, как вы себя чувствуете?

– Немного волнуюсь, – поежился в кресле Никита.

– Так всегда бывает, не переживайте, все пройдет хорошо, – улыбнулся Кирилл, начнем через несколько минут.

Кирилл удалился так же неожиданно, как и возник. Даль-

нейшее Никита помнил очень смутно. Воспоминания обрывались сразу после слов ведущего: «Добрый вечер, друзья, в эфире программа...».

– Отец Никита, – начал Кирилл мягким тоном, – а вы сами верите в Бога?

– Разумеется.

– Можете доказать нам существование Бога? – начал с места в карьер Кирилл.

– Доказательств не нужно, нужно просто верить. Как верят дети родителям, чистой верой.

– Тогда почему почти любая религия клеймит и осуждает людей, которые верят другим верам?

– Кому другим? Разным богомерзким религиям и разным сектам? – Никита позволил себе гневный тон.

Кирилл ехидно ухмыльнулся.

– Почему все секты вы огульно называете богомерзкими? Когда-то и сам Иисус подвергался гонениям официальной церкви как безумный сектант.

– Ну разве вы не понимаете, что секты просто обманывают людей, чтобы выманить у них деньги.

– А разве современная церковь не то же самое делает? И делает это в огромных масштабах, используя богомерзкую науку. – Кирилл включил огромный монитор на программе. – Обратите внимание на бегущую строку внизу. Там перечисляются банки и все основные валюты, которые принимает церковь. И так круглые сутки! Проповедуют народу то,

во что сами не верят и не понимают, а пожертвования тратят не на бедных и сирот, а на немислимую роскошь! Мало того, в 90-е годы, пользуясь акцизными льготами, церковь ввозила в страну алкоголь и сигареты. И их не смущало, что эти так называемые предметы общего потребления являются самыми главными источниками болезней и смертей.

На большом экране побегала череда картинок, красочно демонстрируя жертв алкоголизма и больных, генетически изуродованных детей. Финальной фотографией был мордастый улыбающийся поп с большим золотым крестом, садящийся в огромный джип БМВ. По залу прокатилась волна негодующего ропота. Кирилл, молча, многозначительно прошелся по студии. Потом запрокинул голову и обращаясь то ли к Богу, то ли сам к себе:

– Во все века, служители всех религий вещали: НЕ ВОЗЖЕЛАЙ. И сами желали. НЕ УБЕЙ. И убивали... Скажите, отец Никита, – голос Кирилла был жестким, провокационным, – какой автомобиль у вас?

Это был успех известного телеведущего, он прижал своего гостя к стене и смог «завести» зрителей.

– У меня нет автомобиля, – выдавил из себя Никита.

– Наша съемочная группа простояла несколько часов около храма, где вы служите, сплошь дорогие иномарки. Я бы даже сказал: не просто дорогие, а очень дорогие. Машину стоимостью выше 100 тысяч долларов трудно назвать народной. Так скажите нам – откуда? Или точнее: на какие зара-

ботки? Неужели так выгодно продавать свечи?

– Я сам не раз обращал внимание на этот постыдный факт. Но нужно понимать, что священнослужитель – такой же человек, как и вы, как те, кто сидит здесь или у экрана телевизора.

– Ну, если вы простые люди, то кто же вам дал право судить? Отпускать грехи, тем более от имени Бога? Вы сначала очиститесь от таких субъектов, которых нужно самих судить! И не дожидаясь суда небесного.

Публика одобрительно загудела и захлопала. Кирилл расхаживал по студии, как прокурор перед подсудимым.

– Да! – продолжил Кирилл. – Может быть, в старые времена и можно было просто верить, потому, что люди ничего не знали. Гремит гром, сверкает молния, но кто же, кроме Бога, может сотворить такое! Но сегодня, – ведущий развел руками, – когда наука шагнула далеко вперед и может показать нам такие чудеса, что не снились и Иисусу...

– Я понимаю, что вы хотите сказать, Кирилл, – Никита поерзал в кресле, он догадывался, что ведущий собрал много информации, к которой он сейчас был не совсем готов, – в мире есть множество доказательств существования Бога.

– Например? – настаивал Кирилл.

– Например, главное так называемое недостающее звено в эволюции человека, – научных аргументов у Никиты было не так много, скорее философские, да и то только те, которым уж несколько сотен лет. – Вы же знаете, что в теории эво-

люции есть провал, когда человекоподобные обезьяны вдруг стали людьми, объем мозга резко увеличился, причем сразу. Вопрос, почему это произошло? Сами подумайте, почти все обезьяны создают орудия труда, но кто-то вмешался в процесс эволюции, и теперь мы с вами обсуждаем вопрос веры в Бога.

– А почему Бог? – не сдавался Кирилл. – Может, это инопланетяне. Уфологи всего мира верят в эту возможность.

– Зачем вам нужны какие-то доказательства? Вы христианин? Лично вы верите в Бога? – Больше всего Никите хотел встать и уйти, но проигрывать эту схватку он не мог.

– Лично я верю, – сказал Кирилл, – но ваши слова скорее отдаляют меня от Бога, а лично вы, как мне кажется, сами сомневаетесь в том, что говорите.

Когда эфир закончился, Олег быстро направился к выходу, ему во что бы то ни стало нужно было переговорить с Никитой, пока со священника снимали микрофон и вытирали салфеткой, Олег ждал его около выхода из студии.

– И в заключении хочу привести цитату из Библии, обращение Бога к Моисею:

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их – служить тебе; ибо во гневе Моем Я поражал тебя, но в благоволении Моем буду милостив к тебе.

И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их.

Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, – погибнут, и такие народы совершенно истребятся».

По-моему БОГ, тот Бог, которого мы все имеем в виду и верим, не мог так сказать! Всем удачи.

– Никита, – окликнул Олег священника, – можно с вами поговорить?

– Сейчас не самое лучшее время, – буркнул Никита, стараясь обойти инвалидную коляску, но Олег не давал ему этого сделать.

– Я ненадолго, может, вас нужно куда-то подвезти? Я на машине.

– Нет, спасибо, сам доберусь... – Никита явно был раздражен.

– Хорошо, – сдался Олег, – я понимаю, что вам сейчас не до этого, но пожалуйста, прочитайте как-нибудь на досуге, – Олег протянул ему папку, – там есть мой телефон, если что позвоните, если нет, то нет.

– Что нет? – не понял Никита.

– Ну если содержимое не найдет отклик в вашем сердце, – улыбнулся Олег.

– Хорошо, – согласился Никита и взял папку.

Никита шел по длинному коридору, все, чего ему хотелось сейчас, это поскорее оказаться на улице и постараться забыть эту передачу. Больше всего его раздражал обман. Никита уже почти отвык от подобного поведения людей. В про-

шлой его жизни это было нормой, но сейчас все его общение с людьми ограничивалось только «раздачей советов» прихожанам, где в большинстве случаев люди ищут поддержки и понимания.

– Отец Никита, – окликнули его сзади, – подождите минуточку.

Никита остановился, поворачиваться не хотелось, а еще больше хотелось сжать кулак и...

– Я хотел извиниться, – сказал Кирилл, когда подошел, – может быть, это было не совсем этично, но руководство потребовало в последний момент поменять тему передачи, поэтому так все получилось.

– А мне кажется, вы опять лжете, – не смог сдержать своего раздражения Никита.

– Отец Никита, – улыбнулся Кирилл, – не пристало так говорить священнику. Ладно, – выдохнул ведущий, – если получится, то простите.

Никита шел до дома пешком. Что делать теперь, после того, как передача прошла в прямом эфире по всей стране, он не знал. Доверия окружающих добиться и так сложно, а после такого позора просто невозможно. Никита отлично понимал, что войти в церковь теперь он сможет только как мирянин.

– Отличный эфир, – Кирилл хлопнул по плечу приятеля.

– Он был как уж на сковородке, видел его глаза? – смеясь, спросил Степа. – Рейтинг обеспечен.

– Жалко, конечно, но, похоже, мы лишили отца Никиту работы, – Кирилл засмеялся.

В редакции царила воодушевленная атмосфера, телефоны разрывались, звонили возмущенные телезрители.

– Ну что, поедем, отметим наш успех? – спросил Степа.

– Поехали! – согласился Кирилл.

Глава 14

Маша ждала Кирилла, сына она решила забрать утром, сегодня должен быть их вечер. Вечером она приехала домой, посмотрела эфир. Каждый раз, видя мужа на экране, она радовалась, как ребенок. Маша понимала, что сегодня должен быть особенный вечер, программа явно удалась. После передачи Маша ждала звонка, но телефон молчал, она пробовала сама набрать мужу, но трубку никто не брал.

Маша прождала час, через два она начала паниковать, через три она поняла, что он опять забыл о ней, теперь мобильный был банально недоступен. Через четыре часа Маша окончательно убедилась в том, что он не придет. Открыла подаренную еще на свадьбу бутылку дорогого вина, через час она ее допила и стала немного пьяной, но алкоголь сделал свое злое дело. Маша пришла в ярость. Все, что она делала дальше, она воспринимала как развлечение.

Ей стало ужасно скучно, она хотела срочно что-то предпринять, что-то сделать, как-то избавиться от того негатива, в который ее в очередной раз принудительно погрузили. Маша взяла ключи и вышла на улицу. Пока она спускалась на лифте, у нее возникла идея покататься по ночной Москве. Маша открыла дверцу своего авто и села за руль.

Она гнала, нога все сильнее и сильнее жала на педаль газа, ей было все равно куда ехать, но цель все же была нуж-

на, она решила вернуться на дачу. Придумав, наконец, цель своей поездки, она поехала еще быстрее. Ночью на Кутузовском проспекте машин почти не было, настроение у Маши начало подниматься, ей больше не было так грустно, как дома, она прибавила газу, наклонилась немного вперед, чтобы включить музыку, руль скользнул в руке или это ее немного повело... Машина на огромной скорости в мгновение ока пересекла две сплошные.

Рука Маши так и осталась на кнопке магнитолы, а стрелка спидометра замерла на отметке сто шестьдесят километров.

Глава 15

Кирилл вышел из ночного клуба под утро. Пьяный, веселый, прижимающий к себе за узкую талию прекрасную незнакомку. Чтобы в голове не возникало путаницы, телеведущий предпочитал не спрашивать имен и не задавать лишних вопросов. Он подошел к машине, открыл дверцу, сел. Лежащий на пассажирском месте телефон был почему-то выключен. Кирилл попытался его включить, но спать хотелось куда больше, чем возиться с разряженным телефоном.

– А где Степа? – спросил он незнакомку, которая пыталась сесть в его машину.

– Кто такой Степа? – переспросила она пьяным голосом.

– Куда тебе отвезти? – опять спросил Кирилл.

– Где ты живешь? – переспросила она.

Диалог был прерван Степаном, который подбежал к машине и забарабанил по двери руками. Кирилл открыл окно.

– Ты что с ума сошел, ты что делаешь?

Все, чего сейчас хотел Кирилл больше всего на свете, – это спать, любое препятствие к этой славной цели его только раздражало.

– Выходи из машины, – сказал Степа трагическим шепотом.

– Что? – удивился Кирилл.

– Выходи из машины! – заорал Степан.

Кирилл возмутился, но спорить с приятелем не стал.

– В чем дело?

Телеведущий вышел из машины. Клуб, где друзья праздновали удачный эфир, располагался в самом центре города. Лишь в предрассветный час в Москве, наконец, замирала жизнь, минимальное количество машин, людей, углеводорода в воздухе.

– Маша разбилась два часа назад, – тихо сказал Степан.

– Кто? – Кирилл не то что не понимал, о чем говорит друг, где-то внутри он сразу понял, что случилось, он тут же протрезвел, вспомнил о свидании с женой, которое сам же назначил. Он сразу ясно представил, когда видел ее последний раз, как она была одета, что говорила. Образы в голове понеслись метеорами...

– Маша.

– Где? – автоматически спросил Кирилл.

Время остановилось для Кирилла, ему показалось, что в городе вообще нет людей, немного подогнулись колени, выступил пот на лбу, затряслись руки. Степа рассказывал какие-то детали, но Кирилл их не слышал.

– ...Глеб был у бабушки...

Кирилл услышал для себя самую главную фразу. На долю секунды сердце облилось радостью и тут же снова ухнуло в пропасть. Кирилл стоял на дороге, слабо освещенной фонарями, фоном был небольшой ветер и монотонный, скорбный гул слов Степана. Такие моменты врезаются в память, как

надпись «Кирилл + Маша» на старой березе, которую сделал Кирилл через неделю после знакомства со своей будущей женой. С годами надпись темнеет, становится не такой заметной, но эти порезы навсегда останутся на теле дерева, их всегда сможет увидеть наблюдательный человек.

– Это я во всем виноват, – тихо сказал Кирилл.

– Глупости, – прошептал Степа и попытался обнять друга.

Глаза Кирилла наполнялись слезами.

– Я вчера звонил ей на дачу, – пребывая в отстраненном состоянии, Кирилл просто хотел что-то говорить, – я сказал, что соскучился, предложил сходить в ресторан. Она, видимо, приехала сюда, ждала меня...

Кирилл проваливался куда-то, мысли в голове пылали огнем, с каждым новым ударом сердца мысль о том, что это он убил свою жену, становилась сильнее.

– Ну что, мы едем к тебе или ко мне? – раздался некстати голос девушки из автомобиля. – Меня уже достало тут сидеть.

Глава 16

Никита сидел перед телевизором, прошло уже несколько дней, как ему настоятельно рекомендовали больше не приходить на службу. Его судьба вершилась кем-то наверху, но в принципе он и так все понимал. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы догадаться, какое решение будет вынесено по его делу. В церкви все удивлялись, как вообще он на это пошел, почему согласился принять участие в этой злосчастной передаче. Некоторые верили, но большая часть людей все же косилась на него с подозрением. Он всколыхнул всю систему, большой общественный резонанс сделал свое дело, и он стал той самой заплаткой, которой попытаются прикрыть брешь в толстой церковной броне, которую пробила рейтинговая телепрограмма. Никита понимал, что сам бы выгнал такого священника, даже не для успокоения общественного мнения, а просто потому, что прихожане больше ему не верят. Он отчетливо осознавал, что ему обязательно нужно чем-то заняться, необходимо найти себя в новом деле. В конце концов, телеведущий прав, современное, высоко информированное общество требует открытости и ясности. Именно этих двух вещей так не хватало Никите в его служении в церкви.

В дверь позвонили, на пороге стоял отец Гавриил.

– Добрый день, – улыбнулся духовник, – как вы себя чув-

ствуете?

– Не очень, – честно признался Никита, и впустил гостя в квартиру.

Отец Гавриил, высокий крупный человек, вошел, неловко потоптался в миниатюрной прихожей «хрущевки», разулся, приподняв рясу, влез в тапки, выданные Никитой, и прошел в комнату.

– А вам идут джинсы, – улыбнулся он, – согласитесь, намного удобнее, чем в рясе? Вы ведь всегда ощущали себя в ней некомфортно?

– Было немного, – сконфузился Никита, – но все же без нее я ощущаю себя голым.

Отец Гавриил вздохнул.

– Может быть, чашечку чая? – предложил Никита.

– Я бы не отказался от чашечки кофе с коньячком, – с улыбкой ответил духовник.

– К сожалению, у меня нет в доме коньяка, да и кофе тоже закончился, – признался Никита.

– Тогда спасибо, не нужно, – отец Гавриил присел на старый, еще советских времен диван.

– Никита, можно я буду обращаться к вам по-светски? Вы же понимаете, что ваше служение было просто попыткой спрятаться от себя самого?

– Разве не этим всегда занимались монахи? – удивился Никита.

– Ну, монашество, это немного другое. Почему вы не ста-

ли монахом? Почему просто не уехали в монастырь? Вы же могли отказаться от мирской жизни и посвятить себя служению Богу, но вы выбрали себе другой путь, так, может быть, этот путь просто не ваш?

– Ну и как же можно найти этот путь, – Никита злился, – методом перебора? Пробовать и это и то, и тогда, возможно, – он поднял указательный палец и показал им вверх, – может быть к концу жизни я найду свое место, и Он мне это позволит.

– Не гневите Бога, Никита, – лицо отца Гавриила выражало полное спокойствие и миролюбие, – вы попробовали, у вас не получилось. Я думал, вы с самого начала понимали, что долго так продолжаться не может. Вы ищете ответы, а это противоречит канонам церкви, и поэтому надеюсь, что вы поняли, что наши дороги отныне расходятся.

Духовик встал, медленно прошелся по комнате к двери. Никита остался один в пустой квартире, с еще большим количеством вопросов.

Глава 17

Кирилл проснулся рано утром с четким намерением забрать сына от тещи. Он разговаривал несколько раз с Глебом по телефону, на похороны мальчика не взяли. Мать Маши недвусмысленно дала понять, что не собирается отдавать ребенка отцу, она вообще держалась от него на расстоянии и похоже, винила его в смерти дочери. Кирилл и сам лез на стену, когда он, наконец, включил телефон через несколько дней, кроме кучи пропущенных вызовов нашел в нем несколько неприятых от Маши, если бы телефон не выключился, если бы он взял его с собой, если бы, если бы, если бы...

Дождавшись одиннадцати утра, Кирилл набрал хорошо знакомый номер телефона.

– Ольга Александрова, здравствуйте, – сухо сказал он.

– Здравствуй, Кирилл, – так же холодно ответила теща.

– Я заеду за Глебом через три часа, соберите его.

– Хорошо, – неожиданно для Кирилла согласилась Ольга Александровна, – дед попытался рассказать ему, но он, кажется, ничего не понял или делает вид, что не понял. В общем, наверное, ты действительно ему нужен, ты все же отец, хоть и такой... – Она прикусила язык.

...Глеб молчал почти всю дорогу, он все время смотрел в окно, выглядел угрюмым и задумчивым.

– Пап, – вдруг отозвался он, – дед сказал, что мама на небе, а я вот смотрю все время в небо, оно такое большое.

– Большое, – вздохнул Кирилл и к горлу подкатил комок.

– А где она там? – не поворачивая головы, спросил сын.

– Днем, наверное, она спит, а по вечерам зажигает звезды. – Кирилл в голове десятки раз прокручивал этот диалог, каждый раз придумывал разные сценарии, хорошо понимая, что ребенок все равно задаст такой вопрос, ответ на который найти он не сможет. Знакомые советовали не лгать, а говорить правду, знакомый психолог сказал, что дети возраста Глеба до конца не имеют понятия о смерти, поэтому ему будет проще принять тот факт, что мама умерла.

– Пап, – снова спросил Глеб, – как же она может зажигать звезды, если они сами собой становятся видны в темноте?

– Кто-то же должен их контролировать, – соврал Кирилл, – она, сынок в раю.

– Что такое рай? – оживился Глеб.

– Рай – это такое место, где человеку всегда хорошо, – ответил Кирилл.

– Мне дома хорошо, а когда вы оба дома, мне всегда хорошо, – Глеб выглядел потерянным, – почему она не может приехать домой? Неужели дома ей было плохо?

Кирилл не нашелся, что ответить.

Дома отец и бабушка постарались окружить Глеба любовью. Кирилл договорился с тещей, что та приедет на следующий день. Сам он никак не мог избавиться от мыслей, ко-

торые мучили его вот уже неделю.

Когда Глеб уснул, Кирилл быстро собрался и вышел на улицу. Он ехал в храм, который они сегодня проезжали. Что он хотел там найти, какие ответы услышать, он не знал. Кирилл хотел поставить свечку и заказать молебен. Раньше ему этого делать не приходилось, он всегда считал традиционные обряды пустой формальностью, да и сейчас не особо верил, что они принесут ему хоть какой-то покой. И, тем не менее, ехал в храм.

Он вошел в церковь, перекрестился. Прошелся туда, сюда, купил дюжину свечей, но не знал, куда их поставить. Спрашивать у монашек, которых тут было множество, не стал, подсмотрел к каким иконам люди чаще подходят. Он хотел поговорить с настоятелем, но в последний момент передумал.

Когда Кирилл вышел из церкви, он не ощутил ни легкости, ни понимания происходящего, гнетущее его чувство стало только сильнее. Впервые за последнюю неделю он вспомнил отца Никиту. На Кирилла нахлынуло чувство стыда и одновременно ему показалось, что именно отец Никита может выслушать его, а может быть даже понять и дать совет, как же ему простить самого себя.

Глава 18

Марина шла по длинному светлому коридору. Она не часто приезжала в больницу к своему бывшему сокурснику Саше, но время от времени все же навещалась, да и не могла она не приезжать, общение с бывшими сокурсниками, общие медицинские интересы, бурное студенческое прошлое. Марине требовалось, как говорится, проветриться, она никак не могла придумать себе достойное занятие на длинные, одинокие выходные дни, поэтому частые, обычно вечерние визиты к друзьям стали для нее в последнее время привычным делом.

Она встретилась с Сашей в его кабинете.

– Как дела, Мариш? – спросил он приветливо и вышел из-за стола встретить ее. Они обнялись и дружески чмокнули друг друга.

– Кручусь, – кивнула она, – как сам?

– Все спокойно, по нашим временам это самое главное.

– Давно хотела тебя спросить, – начала Марина, набрав воздуха, – тебе нравится оперировать? Я в том смысле, что ты чувствуешь, спасая людей?

– Нравится, не нравится, – вздохнул Саша, – сначала был драйв, очень хотелось разобраться со всем, ну, а теперь... – Он вдохнул. – Это просто работа и отношение такое же. Нельзя всех спасти, не всех и спасаем, ты же понимаешь. Но

я все равно считаю, что зря ты отказалась от хирургии, тебе бы точно понравилось, с твоей тягой к исследованиям.

– Да, у вас, конечно, больше возможностей, – согласилась Марина.

– Но бывают и вот такие ситуации, – сказал Саша, и, резко изменившись в лице, открыл ящик стола, вытащил оттуда папку и передал ее Марине.

Девушка открыла карту больного, вчитываться в мелкий, характерно мужской подчёрк она не стала, сразу пролистав несколько страниц, стала изучать снимки МРТ. Беглого взгляда хватило, чтобы понять, что опухоль в теле больного занимает такие размеры, что спасти его уже невозможно.

– Совсем ничего нельзя сделать? – спросила она инертно и потому, что не могла не спросить.

– Теперь совсем, – пожал плечами Саша, – слишком поздно. Хотя умрет он по собственной глупости! Из-за простой мелкой опухоли, которую мог удалить сельский врач, он вырастил в себе смерть.

– Как это? – удивленно вскинула глаза Марина.

– Он из очень набожной семьи. Где считают, что все от Бога. И болезни тоже. А значит, и вмешиваться, тем более делать операцию ни в коем случае нельзя. Дикость! Но и это еще не все, я тут узнал, что в этой семье недавно умер трехлетний ребенок от простуды, потому что мать не допустила «скорую», которую вызвали соседи. Ребенок так и сгорел от высокой температуры.

Марина поежилась в кресле, – потому что была очень впечатлительна. Они недолго помолчали.

– Давай о хорошем, – улыбнулся приятель, – хочешь, угощу тебя на редкость отличными пирожками, у нас в столовой пекут, больным не дают, а врачи охотно покупают.

– А я пока чай заварю, – улыбнулась Марина, отлично понимая, что от их совместной грусти больному лучше не станет, ей очень захотелось поговорить о чем-нибудь приятном. – Где тут у тебя чайник?

Саша рассказал, где взять чайник и удалился за угощением. Девушка и не заметила, как в дверь сначала робко постучали, а потом вошли.

– Добрый день! – раздалось у врача за спиной. Марина вздрогнула от неожиданности.

– Здравствуйте! Александр Петрович вышел, зайдите через десять минут.

– Может быть, вы мне можете помочь? – спросил мужчина.

– А в чем дело? – удивилась Марина.

– Я умираю, – сказал пациент, – я это чувствую... я знаю...

Перед ней стоял болезненно худой человек, и Марина поняла, что это тот самый человек, карту и снимки которого она только что смотрела.

– Не знаю, – она была удивлена и действительно не знала, что ответить на такое заявление, – возможно, все еще будет

хорошо.

Она попыталась улыбнуться.

– Я пришел просить сделать мне обезболивающее, а сестра без разрешения врача не делает... – Замолчал и тут же продолжил: – Можно я присяду?

– Конечно!

– Спасибо! – Мужчина улыбнулся. – Знаете, это очень страшно понимать, что ты скоро умрешь, ты прямо-таки ощущаешь, как уходит надежда, вера в чудо. И тогда становится очень тяжело.

Марина молчала, она не знала, что сказать, да и нужно ли было что-то говорить.

– Как вы думаете, там, после смерти, есть что-то еще? – внезапно спросил человек.

– Конечно, есть, – Марина ответила утвердительно не потому, что она верила в загробную жизнь, а потому что понимала – нельзя отнимать у него еще и веру в жизнь после смерти, возможно, это все, что осталось у него, этого сильно истощавшего, болезненно бледного человека. Еще в институте она заметила, что всех больничных пациентов можно разделить на две категории: тех, что еще не потерял надежду и верит, и тех, кто уже отчаялся. Вторые всегда какие-то серые, сгорбившиеся, если к такому человеку присмотреться, то может показаться, что он уже и не живой, так – тело, в котором почти нет жизни, словно организм питается какими-то отголосками, воспоминаниями.

Мужчина долго молчал.

– Я все равно боюсь смерти, – сказал он грустно, – это какое-то бесконечное ожидание чего-то неизвестного, думаю, как это будет, потом думаю о жене, детях. Раньше много думал о том, почему Бог ко мне несправедлив, что так не должно было случиться. – Мужчина посмотрел на Марину с таким вопросом в глазах, как будто перед ним не простой врач, а сам Господь Бог, который может дать на все ответ. – Я и моя семья всегда жили честно, верили в Бога. Каждую субботу в храм! Помогали всем, кому могли, но... – Он замолчал. – Видимо, это моя судьба.

– У вас сколько детей? – спросила Марина.

– Трое... – он осекся, – нет теперь двое, почти взрослые: сын и дочка школу заканчивают, а маленькому только три года, было...

Марина молча кивнула невпопад, потом неожиданно спросила:

– Вы любите свою жену?

– Мы прожили вместе тридцать лет, – пожал плечами мужчина, – я теперь и не знаю, люблю ли я ее.

Марина удивилась и мужчина, видимо, заметив это, уточнил:

– Я же вижу, как она на меня смотрит, она осуждает меня, ей и самой сейчас жутко тяжело ждать, когда я умру.

– Этого нельзя ждать, – не согласилась Марина.

– Это же так изматывает – ожидание. Она ходит ко мне

каждый день, что-то приносит, покупает вкусное. Хочет сделать эти последние дни лучше, не понимая, что все лучшее уже было, все это уже в прошлом. Мне ее жалко, хочу скорее умереть, чтобы и ей было легче.

– Это, конечно, не мое дело, но вы не должны сдаваться, – сказала Марина, которая теперь была подавлена не меньше собеседника, – теряя веру, вы теряете жизнь. Вера помогает, очень часто вытягивает людей из самых сложных ситуаций.

– А вы знаете, как верить?

Марина растерялась, пожала плечами, в голове стали мелькать различные варианты ответов, но она понимала, что все они не подходят.

– Ну как же, – сказала, наконец, она, – вера на то и вера, ее невозможно объяснить, ее нужно просто ощущать, она либо есть, либо ее нет...

Она хотела что-то еще сказать, но собеседник ее перебил.

– Раньше я верил! Теперь сомневаюсь, потому что не понимаю за что, – тихо сказал он, – я много об этом думал, и знаете, к какому выводу пришел? Я понял, что верил в Бога, не понимая его! А когда есть непонимание, какая уж там вера, как можно верить в то, о чем не понимаешь.

– В детей, в жену, в любовь... – перечислила Марина.

– У меня все это уже есть, вернее, было, как-то глупо верить в то, что у тебя уже есть.

Девушка не нашлась что ответить.

В комнату вошел довольный Саша, увидев своего пациен-

та и растерянную Марину, он быстро понял, что происходит.

– Владимир? Здравствуйте! Вы что-то хотели?

– Да так, – пожал плечами больной, – хотел таблеток, выпишите, а то боль невыносимая.

– Хорошо! Я попозже к вам зайду, – так же приветливо, не обращая внимания на подавленное состояние пациента, сказал Саша, – хотите пирожок с малиной? Вкусный! Наши кухарки пекут.

– Давайте! – улыбнулся вдруг Владимир.

Саша угостил булочкой больного и тот ушел.

Следом за ним поспешила уйти и Марина, ей больше не хотелось сладкого.

Глава 19

Никита сел в трамвай, ему иногда очень нравилось кататься на этом допотопного вида наземном транспорте. Он сидел у окна, наблюдая за внешней жизнью города, размышлял. Вообще-то, размышления – это практически все, что теперь у него осталось. Он ехал домой, впервые за несколько лет он решил вернуться в квартиру, из которой когда-то убежал. Никита специально вышел из метро значительно раньше, чтобы получить удовольствие от прогулки на трамвае.

За последние несколько дней он принял тот факт, что в церкви ему больше не служить, принял и успокоился. Но идея найти решение заболевшего его так и не отпускала. В последнюю неделю Никита с головой погрузился в изучение различных религий, он исследовал ислам и буддизм, попытался лучше разобраться в иудаизме и западном христианстве; через несколько дней своих изысканий, он понял, что все три основные религии во многом схожи. Что они предлагают? Веру? А разве нельзя верить в Бога, находясь за пределами какой-то религии? Никита вспомнил своих прихожан, людей не сильно разбирающихся в религии, ее правилах, законах, догмах. Он вспомнил людей, которые просто приходили искать ответы на свои вопросы, икать помощи и поддержки, но почти всегда им давался один ответ: смирись, мирянин. Никита обратил внимание на то, что религии предла-

гают чаще не думать, а просто верить. Но если человек не понимает, во что верит, то как же он может отдаться вере всем сердцем и душой? В этих странностях и есть самый большой недостаток религии. Нормальный человек, живущий в двадцать первом веке, просто не может не думать. Время и обстоятельства фактически запрещают ему это делать.

Если в аграрной России еще не было отменено крепостное право, когда большинство крестьян существовало на грани нищеты и отчаяния, они шли в храм и находили там поддержку и понимание, и тогдашнее «смирись» было для них указом и ответом. Как же может смириться современный человек, когда его окружают бесконечные информационные потоки? Новости настигают нас повсюду, даже если мы не смотрим их по телевизору. Любой обыватель знает, что происходит с курсом доллара, индексом ММВБ, инфляцией и прочие статистические данные. Любой так или иначе слышал, какую программу по выходу из затянувшейся рецессии разработало государство. Не каждый современный человек знает истинный смысл слов рецессия, дефолт, деноминация, но каждый знает, какие последствия следуют за этими сложными и не всегда понятными словами. Мы живем в эру информации, большая часть которой просто мусор и чепуха, но так уж получается, что она транслируется по всем возможным направлениям, так что каждый человек оказывается вовлеченным в этот бесконечный поток. Да и сами люди превратились в отличных ньюсмейкеров и ретрансляторов

чьих-то мыслей. И если сто пятьдесят лет назад церковь была единственной незыблемой константой каждого человека, то сегодня религия – это просто инструмент воздействия и часто далеко не единственный.

Никита пытался осознать суть своих выводов и догадок, он отлично понимал, что церкви сегодня требуется куда больше заботиться об информационном обеспечении своих прихожан, но наблюдая за церковниками, Никита видел скорее обратное. Все эти фразы типа «смирись», «верь», – это же просто слова, которые, сливаясь с общим потоком, остаются где-то за гранью интересов современного человека. Он понимал, что религия – это огромная машина, механизм, который старательно пытается убедить любого присоединившегося к ней поверить, но поверить как? Просто так, на слово. Никите делалось не по себе от своих мыслей, но, пытаясь рассуждать здраво, он понимал, что верить церкви и верить в Бога, это совсем не одно и, то же.

Как-то ребенок, пришедший в храм, подошел к нему и спросил:

– Чем отличаются православные от католиков?

Никита не нашел, что ответить. А что тут скажешь, чем они на самом деле отличаются? И те люди и другие. Не начнешь же рассказывать ребенку о Великом расколе 1054 года? Ведь Бог у обоих конфессий один – Христос, а церковей несколько десятков. Что ответить ребенку? Ислам делится на три крупнейшие группы, а сколько еще более мелких де-

лений.

Никита вспомнил давнишний разговор, когда он объявил, что решил порвать с мирской жизнью, приятель спросил у него:

– Никита, а ты помнишь заповеди?

– Конечно, помню, – не задумываясь, ответил тот.

– Какая первая? – спросил друг.

– Не убий? – с гораздо меньшей уверенностью ответил

Никита.

Друг улыбнулся.

– Конечно, нет, – тут же встряла в разговор жена друга, – первая должна быть «Возлюби Господа Бога своего...».

– Опять неправильно, – улыбнулся друг, родители которого были очень набожными людьми, поэтому записали его в воскресную школу, – то, что ты сказала, это первая заповедь Христа, а вот первая заповедь, которую передал Бог Моисею, звучит так: «Я Господь Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других Богов пред лицом Моим».

– Да ну, ну кто должен знать заповеди эти? – нахмурилась жена.

– Ну, это как бы основа религии, – пожал плечами друг.

После этого показательного случая Никита поначалу чаще, потом все реже, стал задавать этот вопрос людям, называющими себя христианами, и людей дававших правильный ответ, было катастрофически мало.

Никита вынырнул из своих мыслей и огляделся по сторонам, он почти прибыл.

Глава 20

Марина резко дернулась и вскочила с кровати. Она толком не поняла, что ее напугало, то ли ночной кошмар, то ли сквозь сон она услышала какой-то звук. Девушка встала, обула тапки и пошла по холодному полу исследовать квартиру. Ей было немного не по себе, хотя она и знала, что в доме не может быть никого, кроме нее. В последнее время у нее развилась какая-то непонятная фобия пустого пространства, кто-то из знакомых утверждал, что это страх одинокого человека. Обойдя все свои квадратные метры, Мариша в очередной раз подумала, не завести ли ей домашнее животное. Лучше, если это будет большая собака, но и морская свинка сойдет, – размышляла девушка, ложась и взбивая подушку, – даже по поведению свинки можно определить, что в доме чужак.

Марина выключила настольную лампу, удобно устроилась под одеялом. Однако спать ей совсем не хотелось, она снова включила свет, надела очки, взяла со стола распечатанные бумаги и взялась за чтение.

Девушка нашла себе занятие по душе, ее почему-то стал интересовать вопрос истощения природных ресурсов и ухудшение экологии. Следствием всех этих проблем она видела увеличение числа заболевающих тяжелыми и редкими прежде болезнями. Этот вечер Марина посвятила изучению

проблемы стратегических остатков воды. В общем-то, достаточно известный факт, что чистой пресной воды на планете осталось всего-то лет на пятнадцать – двадцать, она перелистывала свои бумаги и негодовала, как люди могут так расточительно обходиться с самым важным ресурсом планеты. Марина натолкнулась на интереснейший факт, совсем не касающийся этой темы, но затрагивающий куда более важный ресурс для нормальной жизнедеятельности человека. Марина причмокнула от негодования, она даже встала и налила себе чаю, потому что все намеки на сон сняло, как рукой. Сколько же жителей способна выдержать на себе эта планета? Марина включила компьютер. По прогнозам количество жителей на Земле к середине двадцать первого века достигнет десяти миллиардов. Каждый новый факт, который находила Марина в сети, ужасал ее все больше и больше.

– Тебе пора завязывать с врачеванием и переходить в гринписовцы, – смеялась подруга утром, когда Марина поведала ей часть той информации, – иди на баррикады, что ты мне все это рассказываешь? Спасай мир!

– Не смешно, – Марину задели слова подруги, – ты же на телевидении работаешь, шеф-редактор вроде, ну так что ты молчишь, снимай программу!

– О'кей, только предложи более насущную тему, – серьезным тоном сказала Алла, – как ты сама не понимаешь, людей это не интересует, им бы фильм посмотреть остросюжетный да передачу Кирилла, где гости друг друга по стене размазы-

вают.

– Надо менять сознание общества, разве я не права?

– Не права, придумай для начала, как привлечь внимание общества, а потом уже будем его менять, – резонно аргументировала Алла.

– Безысходность какая-то, – вдохнула Марина, – ладно, давай вечером обсудим, ты придешь?

– Конечно, куда уж ты без меня, непутевая, – доброжелательно засмеялась Алла.

Глава 21

Бессонница мучила Кирилла уже третью ночь. Мысль о том, что он совершил подлый поступок, не отпускала его. Каждый раз, когда он находил логический выход, совесть тут же блокировала его, и Кирилл снова погружался в свои грустные мысли.

Он еще несколько раз пытался зайти в церковь, но в последний момент ноги переставали его слушать и несли в другую сторону. Кирилл сидел на диване, машинально переключая телевизионные каналы, вдруг он задержался на родном канале. Сейчас он находился в отпуске, и руководство решило поставить в эфир повторы его старых программ, в нарезке кадров вдруг мелькнул и отец Никита. Кирилл вскочил с места. Его мысли вновь вернулись к священнику. Ну конечно, вот тот самый человек, который должен понять Кирилла! Человек, которому он может все рассказать, покаяться, у которого можно получить совет.

Утром Кирилл первым делом связался со Степой, тот во что бы то ни стало, должен был раздобыть адрес отца Никиты. Когда же Степа перезвонил через несколько минут, Кирилл был удивлен: священник, оказывается, живет в престижном районе, в сталинском доме. А ведь на программе говорил, что машины у него нет, всячески намекал на свой аскетический образ жизни.

Кирилл начал сомневаться в правильности своего решения пообщаться с отцом Никитой, но поскольку решение уже было принято, он, не думая больше о сомнениях, собрался и поехал в центр города.

Глава 22

Никита обустроивался в своем доме, он закрыл на ключ детскую комнату, спальню, решив, что первое время будет жить в гостиной, одному ему этого пространства было более чем достаточно. Он налил себе кофе, посмотрел на часы, на новенький компьютер. Мастер по настройке Интернета сильно задерживался, он пытался сам настроить сеть, но пока безрезультатно. В этот момент зазвонил телефон, Никита снял трубку.

– Привет, мама! Рад тебя слышать! Что-то случилось? – спросил он.

– Да случилось, что ты натворил? – с ходу начала причитывать она. – Ты зачем пошел она эту грязную передачу? Теперь у тебя будут неприятности.

– Ну как ты не понимаешь, – начал возмущаться Никита, – это же такие простые вещи! Церковь должна давать человеку ясность, простоту и понимание, но разве это возможно, когда даже я, человек в сане священника, до конца не понимаю многих вещей? Так как же я тогда могу донести слово Божие до людей, которые в нем нуждаются? Сама подумай, мам!

– Никита, все-таки ты неправ, как-никак это работа. Тебе же это так помогло...

– Занятость – это на заводе или в поле, а церковь и храм – это важная и ответственная ноша, – Никита перебил мать, –

мне это помогло, потому что я бежал, бежал ото всех, думал, что бегу к Богу, а на самом деле, просто спрятался под своей рясой. И прошу тебя заметить, что мне это не особо помогло. Скорее наоборот, церковь сегодня для многих служителей, это, как ты выразилась, именно работа, а это не по мне.

– Что же ты хочешь? – спросила мать.

– Я хочу понимания, а за пониманием наступит и душевное спокойствие.

Раздался звонок, дверь была не заперта, Никита крикнул: «Входите» и добавил:

– Ну все, мам, ко мне пришли, позже созвонимся.

Никита положил трубку, и когда наконец повернулся, то чуть не пролил кофе на себя.

На пороге стоял сильно похудевший, с огромными черными кругами под глазами Кирилл, от прежнего лоска в телеведущем не осталось и следа. Наступила пауза. Никита и Кирилл смотрели друг на друга, явно не понимая, что каждый из них тут делает.

– Что с вами произошло? – наконец нарушил паузу Никита.

– Мне нужна ваша помощь, отец Никита, – ответил Кирилл.

– По вашей милости я больше не «отец Никита»... – Бывший священник встал и прошел мимо Кирилла на кухню. – Кофе будете или чай... или, может быть, что-то покрепче?

– Я за рулем, – сказал оживающий Кирилл, – но лучше

покрепче.

– Воля ваша, – Никита достал с полки бутылку, потом бокал и плеснул в него добрых сто граммов коньяка, Кирилл в несколько глотков осушил стакан.

Никита понимал, что у человека, который попытался разрушить его жизнь, случилось что-то очень плохое, но он никак не мог понять, почему тот пришел именно к нему.

– Вы знаете, я не совсем понимаю, почему вы пришли именно ко мне, – начал Никита, – ведь вы практически уничтожили меня, из-за вас меня лишили сана...

– А квартирка все-таки есть, – начал парировать входящий в себя гость, – значит, все-таки покривили вы душой...

– В этой квартире я жил со своей семьей, еще до моего служения в церкви. Я сюда вернулся несколько дней назад, – перебил его Никита, – и если вы приехали для того, чтобы снова обвинять меня, попрошу вас удалиться.

В дверь позвонили. Никита молча встал и вернулся с мастером по настройке сети. Человек в комбинезоне поковырялся в компьютере, затем выписал пару квитанций и ушел.

– Моя жена разбилась, – тихо сказал Кирилл, когда Никита опять вернулся в комнату.

– Мне очень жаль, – сказал Никита, – чем я могу вам помочь? Хотите еще? – Он поднял бутылку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.